

«Рецепты» самобытного социально-культурного строительства в дореволюционных старообрядческих журналах

А. В. Апанасенко¹ ✉

¹Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва 117418, Российская Федерация

✉ e-mail: apanasenok@yandex.ru

Резюме

Актуальность темы исследования связана с важностью научного осмысления влиятельного социально-культурного дискурса, представленного православными традиционалистами в условиях социально-политической и культурной трансформации России в начале XX века.

Цель исследования: анализ общественной риторики «толстых» старообрядческих журналов, издававшихся в России в 1906–1916 годах.

Задачи: охарактеризовать причины, определяющие ценность старообрядческих журналов для истории общественной мысли; обозначить круг общественно значимых проблем, которые поднимались на страницах старообрядческой периодики в 1906–1916 годах; оценить уровень практической значимости изучения предложенных старообрядцами «рецептов» социально-культурного строительства России.

Методы. В ходе работы с публикациями использовались традиционные методики текстологического анализа, в том числе элементы контент-анализа, предполагающего качественно-количественное исследование содержания тех или иных публикаций с целью выявления их центральных идей. Для обработки и интерпретации полученных данных автором применялись методы описания и исторической индукции, а также историко-статистический и историко-генетический.

Результаты. В работе проанализированы особенности осмысления старообрядческими авторами негативных последствий механического копирования западных социально-культурных норм, рассмотрена специфика стратегий эффективного национально-ориентированного строительства, предложенных традиционалистами в условиях социального кризиса начала XX века, рассмотрена целесообразность использования идей «почвенного» социально-культурного строительства в современных условиях.

Выводы. На страницах «толстых» старообрядческих журналов находится значительное количество «рецептов», направленных на укрепление национального самосознания, просвещение, противодействие радикализму в политике и вульгарному потребительству в быту, поддержание семейных ценностей, борьбу с пьянством и курением. Их анализ обогатит имеющиеся в науке представления о социальных и интеллектуальных реалиях поздней империи, а часть стратегий России, представленных старообрядческими публицистами в начале XX века, могут быть адаптированы к современным реалиям.

Ключевые слова: русский толстый журнал; отечественная публицистика; старообрядчество; позднимперский период; модернизация; традиционализм.

Конфликт интересов: Автор декларирует отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Для цитирования: Апанасенко А. В. «Рецепты» самобытного социально-культурного строительства в дореволюционных старообрядческих журналах // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2024. Т. 14, № 4. С. 145–159. <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-145-159>

Поступила в редакцию 01.07.2024

Принята к публикации 30.07.2024

Опубликована 30.08.2024

"Recipes" for original socio-cultural construction in pre-Revolutionary Old Believer journals

Alexander V. Apanasenok¹ ✉

¹Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences
51/52 Nakhimovsky Ave., Moscow 117418, Russian Federation

✉ e-mail: apanasenok@yandex.ru

Abstract

The relevance of the research topic is related to the importance of scientific understanding of the influential socio-cultural discourse presented by Orthodox traditionalists in the context of the socio-political and cultural transformation of Russia in the early XX century.

The purpose of the study: to analyze the public rhetoric of the thick Old Believer journals published in Russia in 1906-1916.

Objectives: to characterize the reasons that determine the value of Old Believers' journals for the history of public thought; to identify the range of socially significant problems that were raised on the pages of Old Believers' periodicals in 1906-1916; to assess the level of practical significance of studying the "recipes" of socio-cultural construction of Russia proposed by Old Believers.

Methods. In the course of working with publications traditional methods of textual analysis were used, including elements of content analysis, which involves a qualitative and quantitative study of the content of certain publications in order to identify their central ideas. To process and interpret obtained data the author used methods of description and historical induction as well as historical-statistical and historical-genetic methods.

Results. The paper analyzes the peculiarities of the Old Believer authors' understanding of the negative consequences of mechanical copying of Western socio-cultural norms, examines the specifics of strategies for effective nationally oriented construction proposed by traditionalists in the conditions of the social crisis of the early 20th century. the expediency of using the ideas of "soil" socio-cultural construction in modern conditions is considered.

Conclusions. On the pages of the "thick" Old Believer journals there is a significant number of "recipes" aimed at strengthening national consciousness, education, countering radicalism in politics and vulgar consumerism in everyday life, maintaining family values, combating drunkenness and smoking. Their analysis will enrich the scientific understanding of the social and intellectual realities of the late Empire, some of the strategies of Russia presented by Old Believer publicists at the beginning of the 20th century can be adapted to modern realities.

Keywords: russian thick journal; domestic journalism; old believers; late imperial period; modernization; traditionalism.

Conflict of interest: The Author declare the absence of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

For citation: Apanasenok A.V. "Recipes" for original socio-cultural construction in pre-Revolutionary Old Believer journals. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo* = *Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2024;14(4):145–159. (In Russ.) <https://doi.org/10.21869/2223-1501-2024-14-4-145-159>

Received 01.07.2024

Accepted 30.07.2024

Published 30.08.2024

Введение

Начало XX в. ознаменовалось для России не только драматическими политическими и социально-экономическими метаморфозами, но и беспрецедентной культурной динамикой. Последние годы существования империи принесли с собой немало ярких явлений в области

науки, искусства, «большой» литературы, публицистики. При этом принято считать, что своими многочисленными достижениями русская культура этой эпохи обязана плодотворному сочетанию отечественных традиций с новыми западноевропейскими и восточными веяниями. Такие суждения во многом справедливы,

однако духовную жизнь страны обогащали и явно самобытные феномены. Например, «серебряный век» русской культуры хронологически совпал с «золотым веком» русского старообрядчества, и в том числе стал периодом расцвета старообрядческой журналистики – явления «почвенного» и оригинального.

Появившиеся незадолго до конца имперской эпохи публицистические произведения «ревнителей старины» можно сравнить с долго вызревавшими плодами. На протяжении двух с половиной столетий предшествующей истории миллионы русских старообрядцев были существенно ограничены в правах, что затрудняло их самопрезентацию и самовыражение в публичной сфере. Однако в ходе первой русской революции ситуация изменилась: 17 апреля 1905 г. вышел Высочайший указ «Об укреплении начал веротерпимости», призванный уравнивать в религиозных и гражданских правах сторонников старого церковного обряда с прихожанами официально-православной церкви. Этот указ, а также ряд вскоре появившихся подзаконных актов сняли ограничения на публикацию и распространение старообрядческой литературы. В результате последующие годы (начиная с 1906) ознаменовались не только «бумом» книгоиздательства староверов, но и активным развитием их периодики. На протяжении последнего предреволюционного десятилетия на территории Российской империи (в Санкт-Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Риге, Екатеринбурге, Саратове) в разные годы выходило более двух десятков старообрядческих периодических изданий, значительную часть которых (не менее тринадцати) составили толстые иллюстрированные журналы.

Несомненно, что старообрядческие издания могут быть интересны историку (в том числе историку журналистики) уже в силу того, что они охватывали многотысячную аудиторию и включили в себя работы многих талантливых авторов [1, с. 115–120]. Ф. Е. Мельников утвер-

ждал, что журналы «Церковь» и «Слово церкви» были самыми большими еженедельниками в России, по богатству печатавшихся в них статей, разнообразию богословских, философских и общественных тем существенно превосходившими другие отечественные издания, которые выходили с такой же периодичностью [2, с. 503]. Исследователями также не раз отмечалась важность анализа старообрядческой периодики для изучения внутриконфессиональной истории самого староверия. Об этом писали известные авторы: Р. Робсон [3], И. В. Поздеева [4], А. В. Островский [5]. Однако эвристическая ценность такого рода работы может оказаться существенно шире, поскольку журналы «ревнителей старины» явили собой зеркало, отразившее многие важные явления из жизни быстро менявшегося в начале XX в. российского социума. При этом социальная действительность осмысливалась авторами-староверами через призму особого «почвенного» подхода, далекого и от официально-охранительного, и от либерального, и уж тем более от радикально-революционного общественных дискурсов. Получив возможность «высказаться» по поводу европеизации, изменения социально-экономического уклада, роста революционного движения, законотворчества и других злободневных тем, старообрядцы воспользовались ею в полной мере. Например, знаменитый «древлеправославный» автор, епископ Иннокентий (Усов) в редакционной статье, посвященной выходу первого легального журнала староверов-поповцев «Старообрядец», так характеризовал миссию этого печатного органа: «Более двух с половиной столетий мы, старообрядцы, были лишены почти всяких религиозных, гражданских и человеческих прав, самое существование наше едва только терпелось, как неистребимое зло, даже голос наш, выраженный устно или печатно в защиту своих религиозных убеждений и прав, считался преступлением, подлежащим наказанию. Но теперь

...не голос наш, а молчание может считаться преступлением перед церковью, пред обществом, пред государством и пред своей совестью... нам не только не воспрещается говорить и писать в защиту своих верований и взглядов, убеждений и прав, но от нас почти прямо требуют, чтобы мы сказали свое посильное слово в такое многмятежное время, какое нам приходится переживать» [6, с. 3]. Следствием такой позиции стало то, что и в «Старообрядце», и в других журналах «ревнителей старины» оказалось опубликовано довольно много статей общественной направленности. В них можно найти как размышления о желательных векторах развития страны, так и вполне конкретные «рецепты» социально-культурного строительства на самобытных идейных началах.

Как ни странно, общественная риторика староверов, представленная на страницах их периодических изданий 1906–1917 гг., исследовалась очень мало. Обращавшиеся к истории старообрядческой журналистики отечественные авторы ограничивались краткими обзорами изданий «ревнителей древнего благочестия», рассматривая их как интересное явление в истории отечественной журналистики [1], оригинальный культурный феномен [7], либо проявление веротерпимости российского правительства [8]. Несколько глубже затронул указанную проблему изучавший историю русского староверия в поздней Российской империи американский исследователь Р. Робсон, однако и для его труда она не стала основной [3]. Так что исследователям еще предстоит в полной мере оценить значимость идей, предложенных верующими-традиционалистами накануне Великой российской революции 1917 г. Работа эта, конечно, отнюдь не проста, т. к. потребует внимательного знакомства и осмысления текстов на тысячах страниц. В данной статье автор, разумеется, не пытается «объять необъятное», стремясь скорее к проблематизации заявленной

темы. В статье предполагается, прежде всего, охарактеризовать причины, по которым «толстые» старообрядческие журналы заслуживают внимания историков общественной мысли, затем обозначить круг общественно значимых проблем, которые поднимались на страницах старообрядческой периодики в последние годы существования Российской империи, и, наконец, попробовать оценить уровень практической значимости изучения предложенных старообрядцами «рецептов» социально-культурного строительства России.

Методология

Специфика темы предопределила типологическую однородность источниковой базы проведенного исследования: ее составили материалы российских старообрядческих журналов, выходивших в 1906–1916 гг. В той или иной степени автором были просмотрены / изучены выпуски 13 разных изданий (их наименования представлены ниже, в основной части статьи), при этом наибольшее внимание было уделено тем печатным органам, которые позиционировали себя в качестве выразителей «общественных» идей русского староверия. К числу таких относились журналы «Старообрядец», «Церковь», «Златоструй», «Слово церкви».

В ходе работы с публикациями использовались традиционные методики текстологического анализа, в том числе элементы контент-анализа, предполагающего качественно-количественное исследование содержания тех или иных публикаций с целью выявления их центральных идей. Для обработки и интерпретации полученных данных автором применялись методы описания и исторической индукции, а также историко-статистический и историко-генетический (последний определил внимание к историко-культурным истокам феномена старообрядческой журналистики).

Поскольку цель работы связана скорее с проблематизацией «общественной»

риторики старообрядческих изданий, автор не стремился соотнести свои наблюдения и выводы (имеющие характер взгляда «в первом приближении») с какими-либо теориями исторического процесса вообще либо концепциями российской истории. Тем не менее все же следует отметить, что для понимания закономерностей формирования социально ориентированной старообрядческой риторики ценны концепции, оформившиеся в среде ведущих исследователей российского староверия в последние три десятилетия. Так, хорошей теоретической опорой для осмысления специфики старообрядческого взгляда на позднеимперские отечественные реалии могут стать работы И. В. Поздеевой, Е. М. Юхименко, В. В. Керова, рассматривающих староверие как модификацию русской поздне-средневековой культуры, а в самих староверах видящих носителей традиционалистского мировоззрения. С другой стороны, бесполезными для изучения истории оригинальных «рецептов» социально-культурного строительства представляются адаптированные к российским реалиям положения теории модернизации, которые были представлены в процессе анализа отечественной социокультурной динамики Б. Н. Мироновым, В. В. Алексеевым, О. Л. Лейбовичем, В. А. Красильщиковым. В частности, тут важен тезис о «догоняющем» характере российской модернизации, в имперский период, по существу, выступавшей европеизацией / вестернизацией. Модернизация в таком виде предопределяет необходимость внесения в традиционный жизненный мир страны элементов иностранной культуры, а потому неизбежно порождает «идейную оппозицию» в среде консервативно ориентированного общества. Старообрядчество может рассматриваться как некий полюс этой оппозиции, носитель «традиционалистской» альтернативы социального бытия.

Результаты и их обсуждение

Предваряя обзор старообрядческих журналов последнего предреволюционного десятилетия, необходимо заметить, что, как и любое значимое культурное явление, публицистика «ревнителей старины» начала XX в. имела исторические корни. Фактически с момента церковного раскола старообрядческие сообщества пытались отстаивать свою правоту с помощью рукописного или печатного слова. История старообрядческой культуры – это, не в последнюю очередь, история написания полемических книг, создания школ, библиотек, типографий (долгое время – нелегальных). Во второй половине XIX в., когда печатное слово стало не только оружием в идейном противостоянии интеллектуалов, но и средством влияния на умы быстрорастущей категории грамотных обывателей, лидеры староверия достаточно быстро осознали роль периодических изданий как эффективного инструмента идейной консолидации сторонников «старой веры». Еще в 1878 г. на территории Австро-Венгрии (г. Коломыя) начал издаваться журнал «Старообрядец» (просуществовал до 1892 г.). Большинство направлений староверия с энтузиазмом отнеслось к появлению первого издания такого рода, поэтому оно, несмотря на трудности нелегального ввоза и распространения в России, пользовалось здесь большой популярностью. Журнал можно было встретить «почти в каждом селе и деревне со старообрядческим населением», – писал впоследствии по этому поводу известный публицист И. А. Кириллов [9, с. 362]. В 1892 г. в Коломые стала выпускаться старообрядческая газета «Древняя Русь», а в 1896–1898 гг. в румынском городе Браила издавалась ориентированная на ту же аудиторию газета «Слово правды» [1, с. 115].

Первый журнал «ревнителей старины», выходивший непосредственно в России («Старообрядческий вестник»), начал тайно печататься одной из санкт-

петербургских типографий в 1904 г. [2, с. 502] Впрочем, довольно скоро, после провозглашения вероисповедных свобод, необходимость в конспирации отпала. Во второй половине 1905 г. «ревнители старины» начали организационную подготовку для легального издания своей периодики, которая начала выходить с зимы 1906 г. К числу более или менее объемных журналов относились «Старообрядец» (1906–1907 гг., Нижний Новгород), «Глагол времени» (1906–1907 гг., Санкт-Петербург), «Старообрядческий вестник» (1907 г., Москва), «Старообрядцы», «Старообрядческий поморский журнал» (оба издавались в 1908–1909 гг. в Москве), «Церковь» (1908–1914 гг., Москва), «Златоструй» (1910–1913 гг., Москва), «Старообрядческая мысль» (1910–1916 гг., Киев, Москва), «Старая Русь» (1911–1912 гг., Рига), «Щит Веры» (1912–1916 гг., Саратов), «Старообрядческий пастырь» (1913–1914 гг., Москва), «Слово церкви» (1914–1916 гг., Москва), «Уральский старообрядец» (1915–1916 гг., Екатеринбург).

Большинство журналов выходило ежемесячно либо еженедельно книжками большого формата объемом 5–6 печатных (типографских) листов, в некоторых случаях (например, со «Старообрядческой мыслью») издания включали в себя до восьми печатных листов. Подписка на них могла быть оформлена во всех почтовых отделениях империи. Часть тиража поступала для продажи в книжные лавки при «древлеправославных» церквях, монастырях и старообрядческих общинах, а также пополняла собой публичные и частные библиотеки в разных регионах страны [7, с. 94–96].

Разумеется, профессионально ориентированным изданиям трудно было сравниться со светскими с точки зрения количества читателей, однако некоторые журналы сторонников старой веры могли успешно конкурировать с изданиями Русской православной церкви. Например, издававшийся под патронажем семьи Ря-

бушинских журнал «Церковь» в 1912 г. имел 3304 подписчика. В то же время официально-церковное «Христианское чтение» (печатный орган Санкт-Петербургской духовной академии) располагало максимум 2600 подписчиками [10, с. 77].

Для старообрядческих журналов рассматриваемого периода была характерна определенная «специализация». Так, на максимально широкий круг читателей, стремившихся быть в курсе актуального положения дел в старообрядческом мире и регулярно знакомиться с оценками текущих событий в стране, были рассчитаны «Старообрядец», «Церковь», «Старообрядцы», «Уральский старообрядец». Издания «Златоструй», «Старообрядческая мысль» и «Старая Русь» ставили перед собой задачу осмысления явлений в староверии и России в целом через призму богословского и исторического знания, а потому были читаемы прежде всего старообрядческими интеллектуалами и сочувствовавшими «старой вере» представителями русской интеллигенции. «Старообрядческий пастырь» и «Щит веры» предназначались в первую очередь для священнослужителей, наставников и педагогов, поскольку учили свою аудиторию корректно транслировать идеи «старой веры».

Несмотря на то, что старообрядческий мир России не был внутренне однороден (оформившиеся еще в конце XVII в. направления поповцев и беспоповцев делились на разные согласия и толки), издания «ревнителей старины» в большинстве случаев не стремились подчеркивать свою принадлежность к тому или иному течению. Чаще всего редакционные коллегии появлявшихся печатных органов объявляли, что постараются сделать их выразителями интересов, чаяний и общественных воззрений всего российского старообрядчества, объединенного любовью к церковной старине и приверженностью к старорусским традициям. Например, в первом выпуске журнала «Церковь» редакция обозначила свою основ-

ную задачу как отражение «истинного значения и смысла старообрядчества» [11, с. 2]. Причем, судя по содержанию этой статьи, значение «старой веры» (носителями которой признавались представители всех толков и согласий) теперь осознавалась не только в чисто конфессиональном ключе: идеологи староверия пытались осмыслить его роль в общественной и культурной жизни России в переломные годы. Если нелегально создававшаяся до 1905 г. старообрядческая периодика была продуктом исключительно «для внутреннего пользования», то издания 1906–1916 гг. оказались ориентированы в том числе и на ознакомление широкой общественности с основами старообрядческой культуры и общественными идеями ее носителей.

Почему эти идеи могли быть интересны старообрядцам и чем они интересны историкам? Думается, что значимость публицистических социально-ориентированных текстов старообрядцев определялась серьезной культурной и экономической ролью, которую их сообщества (вопреки предшествующим притеснениям) играли в начале XX столетия. Взгляд староверов на себя как носителей истинного православия и связанная с ним гордость за собственную духовную миссию предопределили сохранение в их среде малохарактерного для общества эпохи модерна религиозного энтузиазма. Воспроизводство многих элементов допетровского религиозно-бытового уклада сделало мир «ревнителей старой веры» своеобразным полюсом традиционализма в российском обществе и, по мере проявления издержек модернизации, все чаще вызывало уважительное внимание к нему со стороны консервативно ориентированных сограждан. Сформировавшаяся в XVIII–XIX вв. (т. е. в период притеснений) внутриконфессиональная солидарность обусловила значительные хозяйственные успехи защитников старого обряда, вследствие чего к началу XX в. они представляли заметную часть «крепкого»

крестьянства, а также имели большое количество представителей среди крупнейших промышленников страны. Численность сторонников «древлего благочестия», по данным МВД, в начале XX в. составляла порядка 7–8 млн, а независимыми исследователями оценивалась в 20 млн человек [12] и даже больше [13]. Несмотря на то, что даже в условиях «золотого века» отношения старообрядцев с властями были далеко не безоблачными, а инерция двух с половиной веков притеснений давала о себе знать (периодически приводя к закрытию тех же журналов) [14, с. 144], идеи столь мощного общества игнорировать было невозможно.

Какие же социально значимые проблемы обсуждала старообрядческая периодика в 1906–1916 гг. и какие «рецепты» для поступательного развития предлагала? Сразу надо сказать, что охватить все многообразие затронутых тем не получилось бы даже в рамках монографического исследования, не говоря об обзорной статье. Тем не менее попытаемся выделить несколько центральных, обсуждение которых «кочевало» из журнала в журнал.

Первая проблема, неизменно волновавшая старообрядческих авторов – это размывание традиционных культурных устоев российского общества и угроза потери традиционной национальной идентичности. Как известно, последние десятилетия существования Российской империи ознаменовались интенсивными трансформационными процессами, сопровождавшимися перестройкой традиционных социально-экономических отношений и сменой культурных парадигм по западному образцу. Модернизация привела к постепенному разрушению традиционных ценностей, падению авторитета церкви и религии и в какой-то мере к духовному кризису общества. Уже в 1887 г. составители ежегодного отчёта обер-прокурора Св. Синода писали о том, что «вековое влияние Запада... проникает

во все сословия» и вместе с «плодами истинно полезных наук» распространяет образ мыслей, «противный» отеческим традициям и вере. В том же документе говорилось, что распространение западного влияния дает возможность старообрядцам «хвалиться» своей верностью старине [15, с. 294–295]. В начале XX в. жалобы современников на разрушение «старого доброго» уклада усилились, а получившие право на публичное слово староверы не преминули указать на необходимость решительных мер по сохранению отечественных традиций. В качестве противоядия чрезмерному увлечению «всем чужеземным» они видели массовое распространение знаний о прошлом России, а также ее культурных достижениях. Например, в самой первой вступительной статье редакция журнала «Старообрядец» писала: «Человек, не знающий своего прошлого, не достоин имени человека, и общество церковное или гражданское, не знающее своей истории, не заслуживает уважения. А потому “Старообрядец” будет помещать исторические документы и письма, а также и статьи исторического содержания» [6, с. 4].

К столетию победы над Наполеоном журнал «Церковь» напечатал цикл статей о войне 1812 г. (в том числе о роли в ней старообрядцев), в начале Первой мировой войны он же постарался указать читателям на разность «культурных кодов» славян и немцев [16, с. 747–749]. На страницах «Церкви» и других старообрядческих журналов регулярно публиковались статьи, посвященные древнерусской литературе, искусству, традициям общинного устройства в допетровской Руси. Эти публикации, с одной стороны, отвечали традиционным запросам «ревнителей старой веры» на сохранение национальных устоев, а с другой – были призваны указать увлеченной (более или менее) современной западной культурой публике на наличие мощных отечественных традиций самобытного общественно-культурного строительства. Старообрядче-

ские авторы последовательно проводили идею о том, что их культура (она же – традиционная русская культура), несмотря на притеснения, фактически являлась основой русской государственности, представляя «спасительное противоядие, которое предохранило массы простого русского народа от заражения различными чуждыми идеями... Значение старообрядчества для русского государства, и особенно на его инородных окраинах велико и многозначительно... Цель старообрядчества как части русского государства – это воспитание культурно-национального русского гражданина» [17, с. 15].

С проблемой сохранения исторического самосознания и традиционной национальной идентичности в начале XX в. был тесно связан вопрос о целесообразности заимствований тех или иных вещей либо технологий иностранного происхождения. Русские старообрядцы традиционно настороженно относились к бытовым новшествам, приходившим в Россию после петровских реформ, поэтому их журналы уделяли соответствующим темам значительное внимание. На страницах изданий «ревнителей старины» можно найти полемику относительно выращивания картофеля [18], употребления чая и сахара [19], использования керосиновых ламп [20], внедрения в сельское хозяйство железного плуга [21] и самодвижущейся техники [22], покупки граммофонов, согласия на медицинскую прививку [23], приобретения страховки имущества [24]. Надо отдать должное журналам: в большинстве случаев они занимали достаточно здравую позицию, объясняя своим наиболее простодушным читателям, что сам по себе факт заимствования чего-либо с католического (или протестантского) Запада не является грехом. По поводу керосиновых ламп, например, редакция «Златоструя» писала: «Человек изобрел лампу, которая безопасно сжигает керосин, освещая и согревая его жилище. Где тут грех? Грех

надо искать в действиях против божественных установлений и против людей. Использование лампы не оскорбляет ни Бога, ни человека» [20, с. 118–119]. В то же время старообрядческие авторы регулярно подчеркивали важность понимания мотивов использования тех или иных новых вещей. Например, комментируя распространение пришедшей из-за рубежа «моды» на страхование жилья, тот же журнал замечал, что в самой по себе страховке ничего плохого нет. Плохо, если человек пытается использовать ее в целях обогащения, т. е. идет вразрез с этическими нормами православия [24, с. 68]. В многочисленных рассуждениях такого рода слышался призыв не только к старообрядцам, но и к российскому обществу в целом: необходимо ответственно относиться к тому, что мы заимствуем, соотнося использование новшеств с традиционными нравственными устоями.

Начало выхода легальных старообрядческих журналов пришлось на годы первой русской революции, обнажившей проблему радикализации общества и эскалации террора. Авторы-старообрядцы, как правило, резко высказывались против использования насилия в политических целях. Например, журнал «Старообрядец», реагируя на трагические события, связанные с подавлением революционного движения, писал: «Основание для убийств, как у реакционеров, так и у революционеров, одно, и притом не только не новое, но и довольно-таки старое, затасканное, грязное: цель оправдывает средства... Никакая цель не оправдывает злых средств, и такими средствами достигаются не добрые дела, а только злые» [25, с. 17, 19]. «Рецептом» деэскалации (с чьей-то точки зрения довольно утопическим) выступило адресованное всем сторонам предложение безусловно отказаться от убийства людей, кем бы они ни казались друг другу – «начальствующими тиранами» либо экстремистами.

Менее будоражащей воображение, но не менее фундаментальной проблемой

России начала XX в. стал начавшийся кризис традиционных семейных ценностей, связанный с женской эмансипацией и распространением идей «свободной любви». Разумеется, такого рода явления еще не были массовыми, но современники все чаще обращали на них внимание как опасные симптомы, причем связывали их распространение с уровнем «продвинутой» того или иного места либо социальной среды. Так, в характерном архиерейском отчете за 1906 г. в Св. Синод можно прочесть: «В то время, как в селах и деревнях нарушение супружеской верности и незаконное сожитие – явления, наблюдаемые преимущественно в местах, прилегающих к заводу, фабрике или большим экономиям, в городах эти пороки составляют обычное явление, ими несколько не стесняются, и часто жена и муж открыто изменяют друг другу, а общество... совершенно равнодушно к подобным поступкам» [26, л. 29]. В старообрядческой прессе найдется немало комментариев на этот счет, при этом ключом к решению проблемы многие авторы видели изменение распространенного в обществе потребительского отношения к женщине со стороны мужчин. И. А. Кириллов на страницах журнала «Старая Русь» писал: «Кто же виноват, кто грешен в том, что современная женщина вообще, а в России в особенности, в семейной жизни занимает забитое, приниженное положение, кто виноват в том, что женщины состоятельных кругов превратились в немнящих кукол и целью своей жизни, своим счастьем называют физиологическую любовь? – Мы, мужчины!» [27, с. 78]. Также Кириллов и некоторые другие авторы полагали, что Россия нуждается в распространении женского образования в христианском ключе. Такое образование, помимо прочего, не позволит женщине мириться с ролью «прислуги» либо просто партнера для сексуальных утех. Модель же для гармоничного взаимодействия представителей разных полов и семейной жизни

журналисты нередко находили в истории старообрядческих общин, где статус женщины был достаточно высоким.

Еще одной «издержкой» модернизации в России, нашедшей отражение в старообрядческой периодике, стало распространение культуры растущего материального потребительства. В конце XIX – начале XX в. современники, в том числе и православные священнослужители, все чаще жаловались на убывающее благочестие прихожан при растущем стремлении к житейским благам. При этом говорилось про чрезмерно развившуюся в массах «страсть к щегольству», стремление быть «модными» (даже в ущерб семейному благосостоянию) [28, с. 206]. Сетую по поводу такого рода явлений, старообрядческие авторы опять же предлагали использование опыта жизни общин «ревнителей старины» в предшествующие столетия. Тогда, будучи поставлены перед необходимостью отстаивать право на собственные убеждения, многие старообрядцы активно занимались изучением книжного наследия, чтением классических религиозных и полемических книг, придавая этим аспектам своего бытия куда большее значение, чем необязательным материальным благам. Представлялось, что следуя такому примеру (конечно, до некоторой степени идеализированному), можно воспитывать в простых людях (и староверах, и новообрядцах) интересы более высокого порядка, чем «щегольство», например, через приобщение к той же книжной культуре. Так, в 1913 г. на страницах «Старообрядческой мысли» петроградский епископ Геронтий писал, что «надо стараться об общественных библиотеках, которые всегда могут принести всем, а в особенности бедным людям, великую пользу... Библиотека – клад драгоценностей; это – наилучшая лечебница, наивысшее богатство и сила человека; она необходима для всех» [29, с. 274]. Распространение интереса к книгам и христианскому просвещению в массах назвал своей

главной миссией и журнал «Щит веры». «Вступая в первый год своего существования, – писала его редколлегия, – журнал... ставит своей задачей трудиться на ниве народного христианского просвещения» [30, с. 7]. Такого рода просвещение – «прививка» против примитивного материализма и вещизма, по мысли авторов журнала, было необходимо не только старообрядцам, но и всей России.

Впрочем, ратуя за формирование в широких массах российских подданных интереса к чтению, большинство старообрядческих изданий не замыкалось исключительно на христианской проблематике. На их страницах довольно часто цитировались труды философов-просветителей (Вольтера, Дидро, Спинозы, Канта, Гегеля, Прудона, Спенсера и даже Ницше). Часто это делалось с критическими замечаниями в полемических целях, таким образом редакции журналов показывали, с одной стороны, открытость к достижениям науки и дискуссиям, а с другой – преданность конфессиональным устоям.

Распространение грамотности, просвещение, организация библиотек и качественного школьного образования рассматривались старообрядческими авторами и как инструменты преодоления другой российской беды – массового пьянства. Борьба с последним рассматривалась «ревнителями старины» как базовый элемент эффективного социально-культурного строительства, поэтому проблеме был посвящен значительный массив материалов. Соответствующие вопросы в большей или меньшей степени затрагивались практически всеми изданиями религиозных традиционалистов. Конечно, в борьбу с бытовым пьянством (как практически, так и идейно в лице своих авторов) была активно вовлечена и Русская православная церковь, однако старообрядческая риторика соответствующего содержания, как в глазах самих «ревнителей старины», так и сочувствующей их идеалам читательской аудито-

рии, имела определенные преимущества. Старообрядцы в целом считались «трезвой» частью российского общества (эту особенность не стоит преувеличивать, но все же сам факт меньшего пристрастия старообрядцев к алкоголю в дореволюционной России подтверждается многочисленными сохранившимися замечаниями современников). Как писал курский губернатор в своем «Всепоподданнейшем отчете» за 1899 г., даже те «раскольники», которые «слабы со стороны учения, сильны практической жизнью», т. е. хорошо работают, не курят, не пьют [15, с. 319]. Эта «практическая сила», как представлялось старообрядческим авторам, давала им моральное право для наставления читателей по поводу эффективных мер по борьбе с вековым российским злом. Характерные примеры «сильных» антиалкогольных текстов философско-религиозного [31] или исторического содержания [32] можно найти на страницах «Златоструя» или «Уральского старообрядца» [33]. Не менее горячо протестовали староверы и против распространения в России привычки к табакокурению. Интересно, что для борьбы с этим пороком некоторые авторы не только предлагали отталкиваться от традиционных христианских запретов [34] и старорусских норм [35], но и апеллировали к достижениям современной науки, доказывавшей вред курения с медицинской [36] и статистической точки зрения [37].

Как видно из приведенных примеров, старообрядческие авторы начала XX в., выступая в роли идейных традиционалистов, видели свою миссию в презентации проектов здорового национального социально-культурного пространства, до некоторой степени (но отнюдь не полностью) освобожденного от иностранного влияния. Ряд их плодотворных предложений (связанных с развитием просвещения и укреплением этнического самосознания, усилением национальной составляющей в образовании, поддержкой семейных ценностей, антиалкоголь-

ной и антитабачной пропагандой и т. д.) не стал предметом широких общественных дискуссий до 1917 г. как из-за дефицита времени, так и сохранявшегося напряжения в отношениях старообрядцев с официальной православной церковью. В послереволюционный период из-за атеистического вектора в формировании общественного сознания и противопоставления «старого мира» новым социалистическим реалиям дискуссии относительно «рецептов» социально-культурного строительства на базе религиозного традиционализма потеряли актуальность. Сегодня они, безусловно, интересны историкам. А будут ли полезны практикам?

Думается, что ответ на последний вопрос также может быть положительным. Современная Россия находится в сложном положении, связанном с неопределенностью основных принципов самоопределения и развития. В начале постсоветского периода наша страна стремилась оказаться встроеной в «западную цивилизацию», перенимая экономические, законодательные, социально-политические, образовательные и прочие стандарты. Однако после очередного витка вестернизации, пришедшейся на последнее десятилетие XX и начало XXI в., стало ясно, что российский социум нуждается в конструктивных стратегиях ограничения своей идейной зависимости от Запада и выработке более-менее самобытных стратегий развития. Тридцать с лишним лет, прошедшие с момента крушения СССР, показали, что равноправное сотрудничество с ведущими западными странами может быть полезно, а вот механическое копирование чужих идеологем и практик в большинстве случаев бесперспективно. Во-первых, использование апробированных и вроде бы привлекательных рецептов часто противоречит отечественным традициям и особенностям правосознания, а во-вторых, вероятное будущее самой условно «западной» цивилизации (омраченное потенциальными демографическими, ген-

дерными, социально-психологическими проблемами, а также дефицитом того, что часто именуют «пассионарностью») отнюдь не выглядит однозначно привлекательным.

России в XXI в. вновь требуется осознание того, какой она хочет стать в относительно недалеком будущем. Речь идет о ценностях, приемлемых методах изменения социальной реальности, оптимальном соотношении традиций и новаций. Историческая наука в данном случае оказывается тем инструментом, который позволяет аккумулировать имеющийся более или менее интересный опыт. Поэтому «рецепты» самобытного социально-культурного строительства, предложенные русскими традиционалистами в условиях болезненных социальных трансформаций начала XXI в., несомненно, заслуживают пристального внимания не только с академической, но и с практической точки зрения.

Выводы

Итак, последнее предреволюционное десятилетие истории Российской империи ознаменовалось ярким общественно-культурным явлением – расцветом старообрядческой журналистики. Внедрение вероисповедных свобод в стране и стремление русского старообрядческого мира стать полноценным субъектом общественно-государственного строительства обусловило возникновение в 1906–1916 гг. ряда журналов, ставших площадками для обсуждения идей гармонизации социально-политического и культурного бытия

России посредством возвращения на самобытный путь развития. Публикации в старообрядческих изданиях не только отразили отношение консервативно-ориентированной части общества к активному внедрению в отечественный быт западных социально-культурных норм, но и представили ряд «рецептов» эффективного национально-ориентированного строительства. Эти «рецепты» были направлены на укрепление национального самосознания, просвещение, противодействие радикализму в политике и вульгарному потребительству в быту, поддержание семейных ценностей, борьбу с пьянством и курением. Взятые вместе, они отразили процесс формирования влиятельного социально-культурного дискурса, представленного российскими традиционалистами в условиях масштабного общественного кризиса.

Наличие этого традиционалистского дискурса (не официально-правительственного, а скорее «почвеннического»), увы, не всегда учитывается историками. Его анализ, наряду с исследованием сопряженных практик, обогатит имеющиеся в науке представления о социальных и интеллектуальных реалиях поздней империи. Часть «рецептов оздоровления» России, озвученных старообрядческими публицистами в начале XX в., вероятно, может быть адаптирована к современным реалиям или, как минимум, стать источником вдохновения для тех, кто сегодня готов совершенствовать отечественную социальную реальность.

Список литературы

1. Гордеева М. В. Старообрядческая периодика в конце XIX – начале XX вв.: издания, авторы, проблематика (краткий обзор) // Медиальманах. 2016. № 6(77). С. 114–122.
2. Мельников Ф. Е. Краткая история Древлеправославной (старообрядческой) церкви. Барнаул: Изд-во БГПУ, 1999. 568 с.
3. Robson R. Old believers in modern Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press, 1995. 188 p.
4. Поздеева И. В. Комплексные исследования современной традиционной культуры русского старообрядчества. Результаты и перспективы // Мир старообрядчества. Вып. 4.

Живые традиции: Результаты и перспективы комплексных исследований. М.: Рос. полит. энцикл., 1998. С. 22–27.

5. Островский А. Б. Старообрядчество в условиях ограниченного социального признания (по материалам журнала «Церковь» 1908–1917 гг.) // Старообрядчество: история, культура, современность. Вып. 10. М., 2004. С. 6–16.

6. От редакции // Старообрядец. 1906. №1. С. 3–6.

7. Климаков Ю. В. Старообрядческая периодическая печать начала XX в. как феномен отечественной культуры // Библиография и книговедение. 2018. № 4(417). С. 92–101.

8. Савинцев В. Из истории старообрядческой периодики (на рубеже XIX–XX вв.) // Рязанский богословский вестник. 2020. № 1 (21). С. 49–52.

9. Кириллов И. Краткий очерк старообрядческого просвещения // Церковь. 1910. № 14. С. 361–363.

10. Карпук Д. А. Периодические издания Санкт-Петербургской духовной академии // Христианское чтение. 2011. № 6 (41). С. 41–89.

11. Наши задачи // Церковь. 1908. № 1. С. 1–2.

12. Пругавин А. С. Два миллиона или же двадцать миллионов? // Старообрядчество во второй половине XIX в.: сборник статей А. С. Пругавина. М.: Отд. тип. т-ва И. Д. Сытина, 1904. С. 5–21.

13. Кириллов И. А. Статистика старообрядчества. М.: Старообрядческая мысль, 1913. 26 с.

14. Керов В. В. «Народное освобождение совершилось ещё не окончательно»: старообрядцы и Третьеиюньская монархия // Российская история. 2023. № 4. С. 136–152.

15. Апанасенок А. В. Религиозный традиционализм в провинциальной России: история старообрядческих сообществ Центрального Черноземья в XVII – начале XX века. Курск: РОСИ, 2014. 397 с.

16. Сенатов В. Славяне и немцы // Церковь. 1914. № 32. С. 747–749.

17. Поспелов Е. Значение старообрядчества на окраинах для Русского государства // Старая Русь. 1912. № 1. С. 13–18.

18. Ответы редакции // Златоструй. 1910–1911. № 10. С. 46–47.

19. Д. Почему я бросил пить чай // Златоструй. 1910–1911. № 7. С. 52–54.

20. Ответы редакции // Златоструй. 1911–1912. № 7. С. 118–119.

21. Распространение сельхозмашин в России // Златоструй. 1910. № 4. С. 18–20.

22. Косьба травы машинами // Златоструй. 1911–1912. № 7. С. 3–5.

23. Ответы редакции // Златоструй. 1910–1911. № 5. С. 77–78.

24. Ответы редакции // Златоструй. 1910–1911. № 6. С. 67–68.

25. Непорочный. Оправдание зла // Старообрядец. 1906. № 1. С. 16–21.

26. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2158.

27. Кириллов И. Наш грех // Старая Русь. 1912. № 5. С. 78–80.

28. Апанасенок А. В. Паломничество русских крестьян в Палестину в конце XIX – начале XX века // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: История и право. 2020. № 6. С. 198–211.

29. Епископ Геронтий. Пример, достойный подражания // Старообрядческая мысль. 1913. № 3. С. 273–276.

30. Первое слово // Щит веры. 1912. № 1. С. 5–10.

31. Вино // Златоструй. 1910. № 4. С. 65–66.

32. Быстров С. Вековое зло // Златоструй. 1910–1911. № 12. С. 29–33.

33. Пьянство – зло // Уральский старообрядец. 1916. № 1–2. С. 42–49.

34. О курении табака // Златоструй. 1910. № 4. С. 71–74.

35. Скверна в устах // Златоструй. 1910–1911. № 5. С. 49–51.

36. О вреде курения // Златоструй. 1910–1911. № 11. С. 42–45.
37. С. Б-в. Враги человечества // Златоструй. 1911–1912. № 2. С. 33–35.

References

1. Gordeeva M.V. Old Believer periodicals in the late XIX – early XX centuries: publications, authors, problems (a brief overview). *Medial'manah = Media Almanac*. 2016;(6):114–122. (In Russ.)
2. Mel'nikov F.E. A brief history of the Ancient Orthodox (Old Believer) Church. Barnaul: BGPU; 1999. 568 p. (In Russ.)
3. Robson R. Old believers in modern Russia. DeKalb: Northern Illinois University Press; 1995. 188 p.
4. Pozdeeva I.V. Comprehensive research of the modern traditional culture of the Russian Old Believers. Results and prospects. *Mir staroobryadchestva = The world of Old Believers*. Is. 4. Moscow: Ros. polit. encikl.; 1998. P. 22–27. (In Russ.)
5. Ostrovskij A.B. Old Believers in conditions of limited social recognition (according to the materials of the journal "The Church" 1908-1917). *Staroobryadchestvo: istoriya, kul'tura, sovremennost' = Old Believers: history, culture, modernity*. Is. 10. Moscow, 2004. P. 6–16. (In Russ.)
6. From the editorial office. *Staroobryadec = The Old Believer*. 1906;(1):3–6. (In Russ.)
7. Klimakov Yu.V. The Old Believers periodical press of the beginning of the XX century as a phenomenon of Russian culture. *Bibliografiya i knigovedenie = Bibliography and Book Studies*. 2018;(4):92–101. (In Russ.)
8. Savincev V. From the history of Old Believer periodicals (at the turn of the XIX-XX centuries). *Ryazanskij bogoslovskij vestnik = Ryazan Theological Bulletin*. 2020;(1):49–52. (In Russ.)
9. Kirillov I. A brief outline of the Old Believers' Enlightenment. *Cerkov' = The Church*. 1910;(14):361–363. (In Russ.)
10. Karpuk D.A. Periodicals of the St. Petersburg Theological Academy. *Hristianskoe chtenie = Christian Reading*. 2011;(6):41–89. (In Russ.)
11. Our tasks. *Cerkov' = The Church*. 1908;(1):1–2. (In Russ.)
12. Prugavin A.S. Two million or twenty million? In: *Staroobryadchestvo vo vtoroj polovine XIX v.: sbornik statej A.S. Prugavina = Old Believers in the second half of the XIX century. Collection of articles by A.S. Prugavin*. Moscow: Otd. Tip. t-va I. D. Sytina; 1904. P. 5–21. (In Russ.)
13. Kirillov I.A. Statistics of the Old Believers. Moscow: Staroobryadcheskaya mysl'; 1913. 26 p. (In Russ.)
14. Kerov V.V. "The people's liberation has not yet been finalized completely": Old Believers and the Third June Monarchy. *Rossijskaya istoriya = Russian History*. 2023;(4):136–152. (In Russ.)
15. Apanasenok A.V. Religious traditionalism in provincial Russia: the history of the Old catholic communities of the Central Chernozem Region in the XVII – early XX century. Kursk: ROSI; 2014. 397 p. (In Russ.)
16. Senatov V. Slavs and Germans. *Cerkov' = The Church*. 1914;(32):747–749. (In Russ.)
17. Pospelov E. The importance of the Old Believers in the outskirts for the Russian State. *Staraya Rus' = Old Russia*. 1912;(1):13–18. (In Russ.)
18. Editorial responses. *Zlatostroj = Zlatostroy*. 1910–1911;(10):46–47. (In Russ.)
19. Why did I stop drinking tea. *Zlatostroj = Zlatostroy*. 1910–1911;(7):52–54. (In Russ.)
20. Editorial responses. *Zlatostroj = Zlatostroy*. 1911–1912;(7):118–119. (In Russ.)

21. Distribution of agricultural machinery in Russia. *Zlatostruj = Zlatostroy*. 1910;(4):18–20. (In Russ.)
22. Kos'ba travy mashinami. *Zlatostruj = Zlatostroy*. 1911–1912;(7):3–5. (In Russ.)
23. Editorial responses. *Zlatostruj = Zlatostroy*. 1910–1911;(5):77–78. (In Russ.)
24. Editorial responses. *Zlatostruj = Zlatostroy*. 1910–1911;(6):67–68. (In Russ.)
25. Justification of evil. *Staroobryadec = The Old Believer*. 1906;(1):16–21. (In Russ.)
26. RGIA (Russian State Historical Archive). F. 796. Op. 442. D. 2158. (In Russ.)
27. Our sin. *Staraya Rus' = Old Russia*. 1912;(5):78–80. (In Russ.)
28. Apanasenok A.V. Pilgrimage of Russian peasants to Palestine in the late XIX – early XX century. *Izvestiya Yugo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya i pravo = Proceedings of the Southwest State University. Series: History and Law*. 2020;(6):198–211. (In Russ.)
29. An example worthy of imitation. *Staroobryadcheskaya mysl' = Old Believer thought*. 1913;(3):273–276. (In Russ.)
30. The first word. *Shchit very = The shield of faith*. 1912;(1):5–10. (In Russ.)
31. Wine. *Zlatostruj = Zlatostroy*. 1910;(4):65–66. (In Russ.)
32. Bystrov S. Age-old evil. *Zlatostruj = Zlatostroy*. 1910–1911;(12):29–33. (In Russ.)
33. Drunkenness is evil. *Ural'skij staroobryadec = The Ural Old Believer*. 1916;(1–2):42–49. (In Russ.)
34. About tobacco smoking. *Zlatostruj = Zlatostroy*. 1910;(4):71–74. (In Russ.)
35. Filth in the mouth. *Zlatostruj = Zlatostroy*. 1910–1911;(5):49–51. (In Russ.)
36. About the dangers of smoking. *Zlatostruj = Zlatostroy*. 1910–1911;(11):42–45. (In Russ.)
37. The enemies of humanity. *Zlatostruj = Zlatostroy*. 1911–1912;(2):33–35. (In Russ.)

Информация об авторе / Information about the Author

Апанасенок Александр Вячеславович, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт научной информации по общественным наукам Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация, e-mail: apanasenok@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4650-3730

Alexander V. Apanasenok, Doctor of Sciences (Historical), Professor, Leading Researcher, Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation, e-mail: apanasenok@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4650-3730